

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Маск. комсомо —
1969 — 2009. — 14 июля — с. 2

— Евгений Александрович, кажется, вы теперь стали “русским американцем”? Не боитесь, что новое поколение русских к вам на вечер 18 июля в Политехнический не придет? Вы у них уже, что называется, не на слуху...

— (Взрывается.) Я просто потрясен вашим вопросом! Я остался русским и в глазах американцев, и в глазах всех, кто читает что-либо. Что я делаю в Америке? Во-первых, там я закончил антологию русской поэзии XX века “Строфы века” и антологию русской поэзии в трех томах “В начале было слово”. Над ее составлением и переводом я работал 20 лет. Это мой самый главный труд жизни. Каким это образом меня могут воспринимать “русским американцем”?

— В США у вас — вид на жительство или гражданство?

— У меня русский паспорт! Месяцев семь я провожу там. Преподаю в двух университетах: один — в Оклахоме, другой — в Нью-Йорке. Я не живу элитарно-богемной жизнью. В России я не слоняюсь по тусовкам, а езжу в глубинку, читаю стихи и общаюсь с людьми. Знакомлюсь с жизнью!

— За эти годы вы стали профессиональным романистом. Есть что-то новое?

— Сейчас я на середине нового романа “Город желтого дьявола”. Горький так назвал свой памфлет, посвященный Нью-Йорку, куда он приехал выбивать деньги из денежных мешков для голодающих Поволжья. У меня это автобиографический роман. С одной стороны, моиключения в 41-м году с одной маленькой девочкой. С нами происходили, можно сказать, оливертвостовскиеключения. А параллельно — описываю мою первую поездку в Соединенные Штаты в 60-е годы. Года через два после смерти Сталина я писал в стихах: “Границы мне мешают. Мне неловко не знать Буэнос-Айреса и Нью-Йорка...” Что началось тогда!

— Еще бы, вы заявили открыто: хочу там шататься, говорить на ломаном... Теперь вы на английском читаете лекции.

— Читаю, но я, конечно, не знаю английский абсолютно. Мой испанский лучше: выучил его сам. А еще итальянский. Могу вполне объясниться и на французском.

— В меркантильный век не стыдно спросить: а сколько вам платят за лекцию в Штатах?

— (Лицо поэта озаряет залихватская и хитрая улыбка.) А не скажу! По американскому этикету не положено об этом спрашивать.

— А по русскому — можно, хоть нас приучают к отговорке, дескать, “коммерческая тайна”.

— Там ценят труд профессора...

— В Москве вам предлагали занять профессорскую кафедру?

— Ректор мне предложил, сказав при этом: “Только у нас зарплата маленькая”. — “Какая?” — спросил я. И когда он мне ответил, мне стало так стыдно за государство, за этот колоссальный разрыв между заработком тамошних преподавателей и нищенским “окладом” наших! У нас все разрушено, в том числе все организации, которые проводили вечера поэзии, кормившие поэтов. В этот раз на мое выступление в Сантьяго (Чили) на площади Маяковского собралось от 30 до 40 тысяч.

— Смотрю на вас — и диву даюсь: ваш динамизм, даже наступательность, молодая ершистость нигде не делись.

— Многие мои знакомые сейчас при встрече высказывают удивление: “Ты что — законсервировался? Совсем не меняешься с годами”. Хочу вам сказать: конечно, я прошел эволюцию, и очень сильную...

— ...От хулигана до мировой знаменитости.

— В нас, в шестидесятниках, было много наивного. С детства мы пели: “С песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет”. Я как-то в школе спросил учительницу недоуменно: “Зачем с песнями бороться? И что это за фраза такая?”. Учительница улыбнулась и сказала: “Конечно, “борясь”, ведь ты собираешься стать поэтом?”. Но когда она опомнилась и поняла, что сказала лишнее и очень опасное, то подошла ко мне и доверительно попросила: “Женечка, пожалуйста, никому не говори о сегодняшнем нашем разговоре. У тебя же дедушки арестованы”.

— Вы себя готовили к жизни профессионально и физически. Кажется, играли в футбол?

— Играл с теми, кто потом стал профессионалом. Мы играли на пустырях. Мячом мне попали в коленку... Кто меня “подковал”? Ныне он знаменитый хоккейный тренер — Тихонов. Он мне долбанул, конечно, нечаянно. Мы видели великий русский футбол с Бобровым и Хомичем. Это мои кумиры. В нашей команде я был очень хорошим вратарем. До сих пор люблю футбол. Он моя страсть. Очень огорчен: у нас сейчас плохой футбол. Наши не играют в футбол, а зарабатывают деньги. На Западе, особенно в Англии, все-таки другое отношение к игре. Там и зарабатывают, и делают хороший футбол. Замечательно играют и получают наслаждение. Наши футболисты, нанятые в чужие команды за большие деньги, костей своих там не берегут. Здесь же, выступая за национальную сборную, играть в полную силу бояться — щадят себя...

— Молодая команда — Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Женя Евтушенко — были самыми популярными поэтами, хотя Анна Ахматова иронизировала по поводу стадионных ваших выступлений.

— Однажды, году в 33-м, знаменитого французского поэта Андре Жид спросили: “Кто сейчас лучший поэт Франции?” Он ответил: “Увы, Виктор Гюго”. К сожалению, поэты нашего поколения до сих пор остаются самыми читаемыми и, между прочим, самыми любимыми. Говорю вполне искренне.

— Боевики потеснили книги. Старшее поколение читать не перестает. Они придут в Политехнический 18-го посмотреть на нынешнего Евтушенко. На телевидении ваш цикл о поэзии имел успех.

— Да такой, что даже те, кто хотел снять меня из эфира, вынуждены были вручить мне “Орфея”. Сейчас наша разнужданная попса девальвировала вкус к поэзии. Они поют чудовищные тексты.

— И никому нет дела до этого...

— А что произошло? Вместе с цензурой мы выплеснули и редактуру. Люди — а это в основном тинейджеры — слушают эти бессмысленные и убогие тексты и подпевают. Они уже не могут читать Пастернака, Мандельштама, не говоря уж про Евтушенко. Вкус у них уже размазан совершенно. Но я не могу согласиться с мнением, что молодые уже потеряли совершенно. Я часто выступаю. Возьмем музей Булата Окуджавы в Переделкине. Это жемчужина! Замечательный музей поэта — небольшой, зато все время набит людьми. Вижу, как молодеет поэтическая аудитория.

— Думаю, ваша могучая энергетика зарядит тинейджеров, как электронная музыка. Скажите, как вы теперь обходитесь без Коктебеля? В былые времена вы приходили с женой Галиной Лукониной и охапкой книг на пляж, отключаясь от суеты. А потом шли в море и заплывали далеко-далеко, на зависть многим... — Я тоскую по Коктебелю, по Крыму. Безумно. Обязательно туда съезжу, хотя знаю — буду очень расстроен: побережье в отелях, все замодернизировано...

— Остаются холмы и крутые волынские тропы, чтобы душу зарядить и силу свою проверить. Вы еще можете!

— Знаете, я стал мало спать. Когда я играл Циолковского, то в его дневнике обратил внимание на одно восклицание: “Боже мой, человек в среднем живет 72 года, из них 23 — спит. Как страшно. Надо поменьше спать”. И я стал меньше спать. Работая по ночам. Но когда всего 3—4 часа приходилось на сон, то замерцала аритмия. У меня напряженный график. Летаю на лекции в Оклахому и обратно. Летаю в Европу, в Россию.

— Суеверием не страдаете?

— У меня наоборот: рассказываю наперед то, что еще не произошло, как бы посылаю в жизнь волны. Диктую времени свою волю. Не боюсь рассказывать о своих замыслах.

Евгений Евтушенко был поэтически и скандально знаменит. В 78-м году в Крымской обсерватории открыли малую планету и тайно назвали ее Евтушенко. О своей “звездности” он узнал недавно. Поэт любит путешествовать. На Амазонке позировал перед камерой с анакондой на плечах и улыбался. Он такой. Только что вернулся из Нью-Йорка. Следом прилетела жена Маша с сыновьями. В свои годы он выглядит очень молодо, потому что убежден: “Любовь и искусство равны, ибо только они побеждают время”.

Дьявол и поэт

— Не томите, сообщите о том, что еще не...

но уже... — Только что разговаривал с главным режиссером театра Ермоловой Володей Андреевым: они наконец ставят мой киносценарий “Благодарю вас навсегда”, к сожалению, до сих пор не поставленный. Это моя фантазия на тему “Трех мушкетеров”. Но уже не молодых. У меня еще три киносценария. И как только появятся деньги — запущаюсь. Есть договоренность с университетами — при необходимости они сразу дадут мне отпуск.

— Когда же планируется премьера вашей мушкетерской фантазии?

— Это мюзикл. Премьера планируется на декабрь. Музыку написала молодая женщина, как композитор она еще никому не известна. Ставит Саша Паламишев. Это он блистательно в свое время ставил мою “Братскую ГЭС”. Он друг Эрнста Неизвестного, в прошлом разведчик из штрафбата. Лет ему уже много, но он, как и Эрнст Неизвестный, кентавр. Преподает в училище Театра Вахтангова. Спектакль будет острейший. И политический, и озорной. Комедия и трагедия — все переплелось. Мои немолдые мушкетеры наконец поняли, что их всю жизнь использовала власть. Я порезвился на теме талантливых людей и власти. Им надоело быть марионетками в чьих-то руках. И мушкетеры восстают. В это мое сценарное творение когда-то влюбился Леонард Бернстайн.

— В прозаических книгах Евтушенко есть довольно резкие высказывания о власти: “Власть не от Бога, а от Дьявола. Власть нельзя улучшить, как нельзя улучшить Дьявола”.

— Эти крутые суждения не лично мои, а моих персонажей. Считаю: любому человеку, в том числе политическому деятелю, надо давать шанс.

— До чего же вы дипломат.

— Нет-нет, я не дипломат. Если к власти относиться с полным презрением, она никогда не станет лучше.

— Сколько раз мы надеялись и вдохновлялись обещаниями скорых перемен к лучшему. И что из этого вышло?

— К сожалению, сейчас многие умные люди сторонятся власти. У них к ней чувство безразличия. Они не хотят мараить себя властью и уходить в сторону — в науку, в бизнес. Но кто-то ведь должен заниматься государственными делами.

— Вот вы пойдете во власть?

— Я? Нет. Я сделал свое дело. Отдал столько политики! Многие мои стихи переполнены этой политикой. Я был депутатом при Горбачеве и горжусь, что я хотя бы поставил вопрос об отмене цензуры как государственного института.

Я настаивал на ненужности всяких выездных комиссий, унижающих достоинство наших людей. И они были отменены.

Евгений
ЕВТУШЕНКО:
“Я очень
люблю свою
жену Машу”

бытия. А личная? По-моему, вы удачливы и в жизни, и в любви.

Митинговая интонация поэта сменяется на тихую, почти домашнюю.

— Грех жаловаться.

В романе “Не умирай прежде смерти” имена трех первых своих жен Евтушенко не называет. Но описывает их так ярко, что без труда их узнаешь. Первая — и самая юная — Белла Ахмадулина названа нежно — “любимая”. Слог Евтушенко здесь возвышен, полон восхищения и обожания: “Мы врывались в глаза друг друга и уже не выплывали оттуда...” Безграничная нежность, и все-таки семья распалась. Почему же?

— Когда у нее мог быть ребенок от меня, я не хотел этого. Нерожденный по моему настоянию ребенок отнял у меня большее — любовь его матери.

Вторую жену Галину Луконину Женя увел у друга — поэта Михаила Луконина. После разрыва усыновленный Петр Евгеньевич Евтушенко остался с Галиной Семеновной.

— Помню, Москва весело обсуждала новость: Евтушенко женился на англичанке Джан Батлер. И как это вам позволили?

— И не позволяли! Меня вызвал секретарь ЦК Зимин: “Ну что вы, своих не нашли? У нас, что ль, не хватает хороших девушек? Что вы все время гусей дразните!” Я встал и сказал ему: “Требуя, чтобы вы сейчас извинились передо мной за свой тон. Я не на англичанке женился, а на женщине, которую люблю...” Мой лондонский сын Саша Евтушенко закончил только что университет — он живет с Джан. Свою дипломную работу отлично написал о Хемингуэе. Знает русский. Сейчас приезжает в Москву, хочет работать в России. Я радуюсь — он выступает вместе со мной, прекрасно читает стихи.

— А чем занята Джан?

— Переводит русскую литературу. Она гениально перевела мою повесть в стихах “Голод в Сантьяго”.

— Вы бываєте в Англии?

— У нас с Джан еще один мальчик — Тоша, он болел. И я езжу в Лондон, встречаюсь с ними. Кстати, у меня хорошие отношения со всеми женами.

Свою четвертую жену, Машу, поэт встретил в Петрозаводске. Врач по профессии, она летом водила экскурсии и покорила московского сердцееда.

— Маша намного моложе вас. На сколько?

— Ну и что, что моложе? В любви никто не бывает ни моложе, ни старше, хотя бы на 30 лет. Любящая женщина всегда чувствует в своем мужчине ребенка. Мы сошлись с ней часто по несовпадению взглядов на вещи. В Москве Маша работала врачом в кунцевской больнице вместе с Юликом Крепиным. Она мне очень помогала в редактировании первой антологии — у нее потрясающее ощущение природы языка. Сейчас Маша получила второе образование в Петрозаводске. Ей разрешили преподавать в Америке русский язык и литературу.

— Расскажите про ваших с Машей мальчиков.

— 12-летний Женя очень артистичный, пишет стихи на английском. Интересуется историей, хочет стать историком. Много читает.

— Значит, растет американский мальчик?

— Он учится в американской школе, но он русский мальчик. Мы с ним тоже выступаем: он читает на английском мои стихи. Младший, 11-летний Митя, — молчун, но очень импульсивный, беззащитный и лукавый. При ссорах с Машей нас примиряет его реакция.

— Что это вы все ссоритесь с женами?

— Это естественно: я никогда бы не женился на женщине, которая смотрит мне в рот и восторженно млеет. Все мои жены — крупные индивидуальности. Галина Семеновна, моя бывшая жена, очень хорошо знает поэзию. У нее строгий взгляд. Получив мою антологию “Строфы века”, она целую неделю читала и не могла оторваться. Огромный комплимент для меня!

— Вы встречались со многими великими людьми. Почему, когда вам Пикассо предложил выбрать одну из трех картин, что вам понравится, вы схитрили: “Мне больше нравится ваш “Голубой период”?”

— Я действительно люблю его “Голубой период”. А из предложенных мне действительно ничто не понравилось. Он на меня обиделся. Как раз тогда его покинула жена с двумя детьми, и он начал рисовать уродливых женщин. Мастер был уверен: от Пикассо женщина уйти не может. А женщина просто хотела быть собой.

— Но у вас в гостиной я видела Пикассо. Откуда он у вас?

— Мне подарила Надя Леже. На следующий день я посетил ее в том же поселке Сан-Поль-де-Ванс, а до нее уже дошло, что я отказался от Пикассо. И она сняла со стены его подписную гравюру 36-го года и подарила мне.

— К вам и Шагал был щедр...

— Он при мне нарисовал красавицу с лошадкой на задних ногах в стойке и подарил. Кстати, Шагал передал мне письмо и свою книгу для Хрущева. Он в ту пору очень хотел вернуться в Советский Союз. И как раз тогда случилась ужасная история с художниками-модернистами. Все отговаривали Шагала. Я тоже сказал ему: “Вас тоже не будут выставлять”. А он мне ответил: “Не важно. Хочу все картины отдать государству. Я просто хочу умереть в Витебске”. В Москве я принес книгу и письмо к помощнику Хрущева. Кстати, в дарственной надписи Шагал допустил опisku. Сначала было написано у него: “Дорогому Никите Сергеевичу с любовью к небу и к нашей Родине”. Я обратил его внимание — и он поправил: “к нему”. Помощник Хрущева с пренебрежением сказал: “Что это они все там с ума посходили, и вы вместе с ними?” Начал листать книгу, нашлетящих по небу влюбленных и сказал: “Это что, евреи? И еще летают”. Я передал чиновнику и письма нашего посла в Париже Виноградова и Мориса Тореза. Оба они выражали уверенность, что возвращение Шагала в Советский Союз будет колоссально для престижа нашей родины. Чиновник сказал мне: “Заберите эту книгу”. А я ответил: “Не могу принять — она подарена не мне”.

Некоторое время спустя я встретил Михаила Ромма, и он меня “обрадовал”. “Эта книга Шагала теперь у меня”. Она оказалась у историка Лебедева, и, когда однажды Ромм подивился на эту роскошь, тот с легкостью произнес: “Да возьмите себе”. Не знаю, где теперь эта книга.

— Великие люди совершают невероятные поступки. У вас я прочитала, что Цветаева повесилась на той самой веревке, которую принес Пастернак уязвлять ее скарб, когда она с сыном уезжала в эвакуацию. И будто бы при этом он произнес жуткую фразу: “На ней и повеситься можно — выдержит”. Они так долго переписывались, объясняясь в любви. Неужели Пастернак не понимал душевного состояния Марины?

— Я воспринимаю эту фразу как прозрение гения. Слова эти вылетели, как будто были продиктованы свыше.

— Вы часто пишете о необходимости покаяния. У вас есть фотография, где вы в церкви на станции Зима. В чем вы хотели бы покаяться?

— Я никого никогда не предавал, за исключением самого себя.

— Но на сделки с совестью шли?

На этот вопрос поэт ответил, бесовски хохоча, словно отхлестывая своих старых antagonists.

— Когда я писал “Бабий яр” — шел на сделки с совестью... Вы это хотите сказать?

— Да вы что?! Но ведь вам приходилось лукавить?

— “Поэзия — не мирная молитвенная, поэзия — великая война”. Жить в подцензурное время и не лукавить? Не соглашаться ни на какую правку, когда у твоего горла держат рогатину? Война есть война. Иногда можно отдать деревню, чтобы потом взять город.

— Что вы пожелали бы читателям “МК”?

— Чтоб родился наконец настоящий поэт своего поколения. Тридцать лет не рождался. После Бродского не родилось ни одной крупной индивидуальности.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Евтушенко Евгений

14.07.07